

Алексей ИСАЕВ

КАТАСТРОФА

41-го

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
ВЕРСИЯ

ИСТОРИЯ БЕЗ ГРИФА
«**СЕКРЕТНО**»

Алексей Валерьевич Исаев
Катастрофа 41-го.
Альтернативная версия
Серия «История без грифа «Секретно»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64873352

Катастрофа 41-го. Альтернативная версия:

ISBN 978-5-00155-213-0

Аннотация

Что, если бы Гитлеру не удалось застать Сталина врасплох, будь Красная Армия своевременно приведена в полную боевую готовность, – имелись ли шансы у советских войск выиграть Приграничное сражение и избежать катастрофы 1941 года? Что, если бы Советский Союз нанес удар первым – могла ли Красная Армия в считанные недели разгромить Вермахт, как утверждает скандально известный Виктор Суворов, или потерпели бы еще более страшное поражение, чем в текущей реальности? Что, если бы в СССР удалось создать собственный вариант «блицкрига», доведя до ума теорию «стратегических танков» и превратив монструозные, почти неуправляемые мехкорпуса 1941 года в хорошо сбалансированные, мобильные и эффективные элитные соединения, способные изменить ход Великой Отечественной?

В этой книге ведущий военный историк поднимает изучение исторических альтернатив на подлинно НАУЧНЫЙ уровень,

превращая игру в «если бы» из досужей забавы писателей-фантастов в профессиональное исследование!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Случайности и закономерности	12
Большая политика	14
«Могла бы произойти катастрофа...»	20
Первый раунд. «Разя огнем, сверкая блеском стали...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Валерьевич Исаев

Катастрофа 41-го.

Альтернативная версия

Автор благодарит участников Военно-исторического форума

<http://www.vif2ne.ru> за ценные замечания и плодотворные

дискуссии, которые помогли в работе над этой книгой.

© Исаев А. В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Введение

Однако следует заметить, что расчет альтернативных вариантов развития событий не такая простая вещь, как может показаться на первый взгляд.

Многим хорошо знакома расхожая фраза, которая обычно ставит точку в обсуждении разного рода альтернативных сценариев развития исторических событий: «История не знает сослагательного наклонения». С одной стороны, с ней не поспоришь. Однако небезынтересно проследить, откуда она взялась изначально. Часто эту фразу приписывают И. В. Сталину, который был в первую очередь действующим политиком, а не ученым. С политической точки зрения это утверждение действительно аксиома: вернуться в прошлое и что-то изменить невозможно. Во всяком случае, в реалиях обозримого прошлого и в наше время, до изобретения машины времени. Что сделано, то сделано, и политикам приходится расхлебывать именно ту кашу, которую заварили они или их предшественники.

Историки находятся в несколько других условиях. Разумеется, отвечая на вопрос «Как?» («...произошли те или иные события»), они придерживаются принципа «история не терпит сослагательного наклонения». Совсем другая ситуация при ответе на вопрос «Почему?» («...произошли эти события»). Собственно, нет ничего криминального в ответе

историка на вопрос: «А что случилось бы, если...?» Вольно или невольно исследователи и так отвечают на этот вопрос на страницах вполне серьезных и безупречных с точки зрения канонов исторической науки работ. Например, редкая книга, посвященная японской атаке на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., обходится без обсуждения вероятных последствий налета гипотетической третьей волны самолетов с японских авианосцев. Фактически обсуждение вопроса о третьей волне атакующих позволяет лучше понять, что произошло в пресловутый «день позора» в ходе налета двух реальных волн. Оно становится полезным упражнением для закрепления материала и понимания возможностей ПВО американской военно-морской базы. «Сослагательное наклонение», появляющееся у истории в процессе обсуждения, все не мешает вдумчивому и серьезному ее изучению.

Пример с Перл-Харбором вовсе не является исключением из правила. Скорее наоборот. Самые разные войны и конфликты дают нам примеры ситуаций, заставляющих спустя десятилетия задаваться вопросом: «Что, если бы...?» В случае с Цусимой предметом обсуждения становится гипотетическое перестроение новейших броненосцев эскадры Роже-ственского в строй фронта и атака совершающей поворот японской эскадры. В случае с «Битвой за Британию» обсуждается стратегия германских налетов, ошибки и просчеты в выборе целей командованием Люфтваффе. При этом неизбежно просчитывается развитие событий в отсутствие этих

промахов германской стороны. Таких примеров можно привести еще не один десяток. Богатые возможности для рассуждений «Что было бы, если...?» дают судьбы великих людей. Безвременная гибель той или иной яркой исторической личности неизбежно заставляет задуматься о том, что было бы, если бы этот человек прожил еще год, два или десятилетие. Одним словом, «сослагательное наклонение» так или иначе вторгается в историю. При этом язык не поворачивается сказать, что это вмешательство в данном контексте носит негативный характер.

Поврежденные и потопленные в Перл-Харборе американские корабли. События 7 декабря 1941 г. являются популярной темой для рассуждений «Что, если...»

Одновременно сложившаяся традиция ответов на вопрос «Что, если...?» задает определенные «правила хорошего то-

на» в обсуждении сослагательного наклонения тех или иных уже произошедших событий. Во-первых, расчет предполагаемого хода боевых действий возможен на небольшую глубину, на протяжении сравнительно короткого периода времени. Во-вторых, ветвление (уход в альтернативную линию развития событий) целесообразно сугубо в рамках тех условий, которые имелись в реальности.

Возвращаясь к приведенному выше примеру: если изучение реальных событий приводит к выводу, что японцы технически не могли поднять третью волну самолетов со своих авианосцев 7 декабря 1941 г., то от «сослагательного наклонения» третьей атаки на Жемчужную гавань нужно и должно отказаться. Всегда есть некий «потолок», выше которого прыгнуть невозможно. Например, изобретение пулемета потребовало определенного технического и технологического уровня развития цивилизации. Массовое производство пулеметов в Наполеоновскую эпоху просто невозможно технически. Дело вовсе не в отсутствии в Европе времен Нельсона и Наполеона своего Хайрема Максима. Если игнорировать эти реалии, то «сослагательное наклонение» становится не более чем беллетристикой, сказкой по мотивам исторических событий.

В приложении к 1941 г. таким «пулеметом «максим» у Дениса Давыдова» являются шапкозакидательские настроения. «Вот если бы не генералы, мы бы тевтонов уже в первые недели гнали до Берлина...» Убаюкивающих сказок о

«малой кровью, могучим ударом» не ждите. Автор не первый год занимается историей 1941 г., и поэтому ему, например, и в голову не придет ставить знак равенства между танковой группой (численностью 150–200 тыс. человек) и советским механизированным корпусом (30–35 тыс. человек) просто потому, что в них по тысяче танков. Разница между 1941 и 1945 г. не только и не столько в генералах, командирах и боевом духе. Существовало множество объективных факторов, таких, как соотношение сил. Впрочем, всему свое время.

Случайности и закономерности

Весной и летом 1941 г. нарушения границы совсем не были из ряда вон выходящим происшествием в Генерал-губернаторстве. Однако обычно заблудившиеся красноармейцы стремились как можно быстрее покинуть территорию чужого государства. Этот же солдат со знаками различия Красной армии, напротив, сразу же бросился навстречу немецкому патрулю. Он повторял только одно слово: «Ангриф! Ангриф!» (наступление – нем.). Солдат промок до нитки: было понятно, что он вплавь преодолел Буг. Перебежчика доставили в штаб. Добровольный помощник Вермахта с белой повязкой на рукаве, сбиваясь, торопливо переводил офицеру слова нежданного гостя из СССР. Однако, при всех недостатках перевода, основная мысль была понятна: Красная армия скоро перейдет границу и ударит по Германии. Перебежчик был призван в недавно присоединенных к СССР западных областях Украины и отнюдь не горел желанием принимать участие в войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии. Еще до окончания допроса последовал звонок в вышестоящий штаб. Нельзя сказать, что там эти сведения вызвали удивление: донесения разведки в последние дни были все тревожнее. Однако в готовившихся к операции «Барбаросса» штабах эти доклады воспринимали лишь как вполне ожидаемые контрмеры Красной ар-

мии перед лицом возможного нападения. Теперь же события принимали неожиданный оборот. Вскоре сотни тысяч людей пришли в движение. Солдаты и офицеры пехотных частей Вермахта занимали позиции в приграничных укреплениях. Томительное ожидание длилось недолго: буквально на следующее утро загрохотала артиллерийская подготовка. Война началась...

Здесь и далее я буду описывать такими вставками курсивом эпизоды войны, которой никогда не было, альтернативные варианты развития событий. Прошу не забывать, что реальные события были куда страшнее и трагичнее. Однако прошу отнестись к этому снисходительно: анализ альтернативных вариантов развития событий является одним из инструментов изучения истории. Это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые факторы реальных событий. Лирические отступления с моделированием событий лишь призваны иллюстрировать анализ ситуации и вариантов развития боевых действий. Представьте, что это строки из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Большая политика

Удар по Гитлеру первыми традиционно негативно оценивается в отечественной литературе. Впрочем, нельзя сказать, что эта точка зрения является доминирующей. Тем не менее иногда даже звучат слова о том, что Сталин правильно сделал, что дождался нападения Гитлера и не стал нападать сам. Это якобы дало неоспоримые моральные преимущества. Однако это представляется попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Никакого перевешивающего все и вся морального преимущества этот факт не давал.

Германия себя уже достаточно дискредитировала и в достаточной мере сама проявила себя как агрессор. Поэтому вступление в войну против нее с большим трудом можно было бы интерпретировать как агрессию. Ситуация с Финляндией в 1939 г. была все же принципиально другой. Сомнения относительно адекватной оценки вступления в СССР в войну ударом по Германии проистекают не в последнюю очередь ввиду демонизации Запада.

Картины поражений похожи друг на друга. Разбитые немецкие автомашины в Белоруссии летом 1944 г.

Однако демонизированный Запад имеет примерно такое же отношение к действительности, как и голливудский советский генерал, пьющий водку из samovar в промежутках между играми с дрессированным медведем. У Запада были свои интересы, и уничтожение как «первого в мире государства рабочих и крестьян», так и России в том или ином виде никогда не было *idée fixe* западных стран. Я веду здесь речь не об отдельных политиках, а об общих тенденциях европейской и англо-американской политики. Более жесткое разделение на два противоборствующих лагеря произошло только с началом «холодной войны».

Политические и военные реалии 1941 г. все же принци-

пиально отличались от реалий 1947 г. или 1950–1960 гг. На внешнеполитическом фронте вступление СССР в войну с Гитлером в любом случае было бы воспринято как возвращение в клуб Сил Добра. Из которого он оказался исключен сначала ввиду пакта Молотова – Риббентропа (но это еще было полбеды), а затем ввиду нападения на Финляндию и силового присоединения прибалтийских государств.

К слову, о Финляндии. Вполне возможно, что в случае первого удара Красной армии Финляндия заморозила бы свои планы по вступлению в войну совместно с немцами. Впрочем, если бы даже финское руководство сохранило бы свой прежний курс, вряд ли бы это оказало немедленное воздействие на ход боевых действий.

С точки зрения внутренней пропаганды объяснение «почему мы начали первыми» будет, разумеется, непростым делом. Однако в определенной степени это будет соответствовать слоганам предвоенной агитации о «малой крови» и «чужой территории» (в их поп-восприятии). Кроме того, лучшей пропагандой правильности выбранного курса всегда были военные успехи. Или же, скажем мягче, отсутствие крупных провалов. Потеря сначала вновь приобретенных в 1939–1940 гг. земель, а затем и Минска, Смоленска, Киева была куда более значимым ударом по общественному сознанию, чем гипотетические моральные терзания относительно бремени ответственности за первые выстрелы. Если положить на одну чашу весов удар первыми, а на другую – потерю

большой территории и бомбежки городов в глубине страны, то вторая чаша однозначно перевешивает. Многие люди попросту теряли веру в победу, начинали сомневаться в целесообразности жертв. В концентрированном виде это выглядело примерно так: «Если мы все равно проиграем (проигрываем), то кому будет нужна моя гибель?» Также крупные и очевидные неудачи неизбежно порождали сомнения в эффективности высшего руководства страны. На всякий случай подчеркну: «крупные и очевидные неудачи». То есть те, которые невозможно скрыть средствами военной цензуры и которые придется признавать публично в прессе и на радио голосом Левитана. Провал масштаба окружения армии Самсонова в 1914 г. советская пропаганда смогла бы без труда скрыть от широкой общественности. В отличие от Николая Второго, у Сталина не было в столице парламентского балагана, в котором малосведущие люди учили бы его, что делать, и морально осуждали его реальные и мнимые просчеты. Слухи и сплетни в армейской среде также можно было без труда подавлять средствами цензуры и нажимом со стороны политорганов.

Пленные румыны, захваченные в ходе операции «Уран» в ноябре 1942 г. Операции Вермахта в южном секторе советско-германского фронта в 1942 г. в значительной степени опирались на союзников Германии. Это в немалой степени стало причиной их провала

На бытовом уровне люди все же понимали, что превентивный удар может быть вызван военной необходимостью. Несмотря на паузу с осени 1939 г. по весну 1941 г. фашизм (принятое в СССР наименование нацизма) был вполне успешно позиционирован как абсолютное зло. Превентивный удар по такому врагу был бы, несомненно, воспринят населением СССР в целом благожелательно. На фоне сообщений ровным голосом Левитана о боях в районе Ломжи, Пе-

ремышля, а то и Седлеца решение руководства ударить первыми получило бы поддержку общества. В СССР чувствовали приближение войны, ее начало хотя и было неприятным известием, но, по большому счету, никого не удивило и не поразило как гром среди ясного неба.

Первые выстрелы быстро делят мир на своих и чужих. Слова известной песни «Киев бомбили» наверняка останутся на своем месте даже в случае «начинаем первыми». И Минск, и Киев, и многие другие города наверняка подвергнутся немецким бомбардировкам с воздуха вне зависимости от того, кто будет инициатором войны. Разрушенные здания, убитые мирные жители будут взывать к мщению. Одним словом, на внутривнутриполитическом фронте удар первыми был бы также воспринят скорее благожелательно, нежели однозначно отрицательно.

«Могла бы произойти катастрофа...»

Если с политическими последствиями и перспективами ситуация практически очевидная, то оценка возможностей Красной армии в «первом ударе» является куда более сложным делом. Неудачи лета 1941 г. – это достаточно серьезный аргумент против возможности успешного ведения советскими войсками наступательных операций против германской армии. В сущности, когда мы рассуждаем о возможном исходе сражения полностью развернутой и отобилизованной РККА с Вермахтом, мы должны ранжировать причины поражений в реальном 1941 г. Что было главным в длинном списке причин неудач? Упреждение в развертывании и мобилизации? Низкие профессиональные качества командного состава? Неудовлетворительная тактическая выучка бойцов и младших командиров? Посредственные характеристики боевой техники?

Как многие, наверное, и так знают, я придерживаюсь мнения о преобладании стратегических причин неудач 1941 г. По моему мнению, по своей значимости и весу фактор «упреждение в мобилизации и развертывании» значительно превосходит все остальное. Причем дело не только в ближайших последствиях упреждения Красной армии Вермахтом, но и в долгосрочных последствиях этого события. Разгром армий особых округов ухудшал условия вступления в

бой для остальных соединений и объединений Красной армии. Соотношение сил, в котором в бой вступали армии из внутренних округов, было заведомо хуже, чем в отсутствие разгрома многих дивизий и корпусов в Приграничном сражении. Соответственно, после разгрома армий внутренних округов новые формирования опять же вступали в бой в худшем соотношении сил с немцами, нежели в отсутствие поражения (и исключения из боевого состава Красной армии) своих предшественников. Поэтому фактор «упреждение в развертывании» оказывается весьма значимым и «долгоиграющим». Фактически вся летне-осенняя кампания 1941 г. была для Красной армии преодолением печальных последствий упреждения в мобилизации и развертывании.

Однако было бы непростительной ошибкой приравнять к нулю значимость и вес всех остальных факторов поражения советских войск. Серьезные проблемы с боевой подготовкой и отсутствие полноценных механизированных соединений тоже играли свою роль. Также будет влиять на исход многих сражений недостаточный опыт советских командиров и командующих.

Серьезной проблемой Красной армии в 1941 г. были бронебойные снаряды. Производство технологически сложных 76-мм бронебойных снарядов столкнулось с большими трудностями. План выпуска снарядов основного на тот момент типа, известного как «черт. № 2-03545», систематически

срывался и оказывался выполнен всего на 18 %. Объяснялось это как объективными, так и субъективными причинами. Также негативно повлияли на отношение промышленности к заказам военных «чемоданные настроения», когда всем было понятно, что в обозримое время находящийся в производстве снаряд будет сменен на какой-либо новый образец.

Немецкий истребитель ВП09 перед взлетом. Эти самолеты были серьезным и опасным противником советских ВВС

Все это поставило Красную армию в сложное положение в условиях массированного применения противником танков. Имевшиеся в войсках в избытке 45-мм бронебойные снаряды не гарантировали поражения немецких танков по-

следних серий выпуска и САУ «Штурмгешюц». Можно даже сказать, что они были практически бесполезны при стрельбе по ним в лоб. Даже 40-мм броня «современного качества» поражалась под углом 30° только с дистанции 150 метров. Как позднее выяснилось на испытаниях немецких трофейных танков и САУ, их 50-мм лобовая броня высокой твердости пробивалась 45-мм бронебойным снарядом только с дистанции 50 метров. На больших дистанциях снаряды разрушались, не пробивая броню. 76-мм бронебойных снарядов, которые хотя бы обеспечивали поражение САУ «Штурмгешюц» и немецких танков новых типов на приемлемых дистанциях, остро не хватало.

В варианте «Красная армия начинает» все вышеперечисленные факторы сохранятся и будут влиять на развитие событий. Весь вопрос в том, насколько сильно будет это влияние? Приведет оно или нет к поражению советских войск в первой операции?

Бомбардировщики Б-17 над Германией. Налеты авиации союзников заставляли Люфтваффе в 1944 г. держать большую часть истребителей на Западе

Надо сказать, что нам в какой-то мере повезло. Относительно перспектив такого сражения есть мнение, безусловно, авторитетного человека – маршала Г. К. Жукова. Причем он высказывался на эту тему даже дважды. В первый раз это был не опубликованный при жизни Георгия Константиновича отзыв на статью Василевского. В нем Жуков сформулировал свою мысль следующим образом:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого

не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году».

Формулировка, надо сказать, предельно жесткая. Вместе с тем следует отметить, что главные силы Красной армии и так были разгромлены в первые недели войны. Произошло это, правда, последовательно, в Приграничном сражении и в боях на рубеже Западной Двины и Днепра. Жуков это прекрасно знал.

В 1965 г. он снова высказался на эту же тему в разговоре с историком В. А. Анфиловым о проекте «Соображений...» от 15 мая 1941 г. Георгий Константинович тогда сказал: «Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе, при том состоянии наших войск, могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом».

Обычно этими двумя фразами Жукова размахивают в качестве оценки возможностей Красной армии противостоять Вермахту даже в самых благоприятных для нее условиях. Звучат грозные слова: «Вот и ответ тем, кто ныне считает, что, напади Красная Армия первой в 1941 г., то она бы показала Рейху «кузькину мать»...» Фактически здесь получается продолжение спора о роли различных факторов в поражении Красной армии. С опорой на слова Жукова выдвигается тезис о доминировании таких факторов, как боевая

подготовка войск и штабов, в трагедии 1941 г.

Однако так ли очевидны и однозначны оценки советского военачальника? Должен сказать, что Георгий Константинович был человеком неглупым, а местами даже ехидным. В тех случаях, когда он не мог по цензурным соображениям высказаться прямо, он вполне успешно использовал эзопов язык, понятный посвященным. Человеку, знакомому со статистикой войны, в глаза сразу бросится сравнение с Харьковом 1942 г. Собственно, упомянутая Жуковым катастрофа Юго-Западного фронта была далеко не самым крупным поражением советских войск. Киевский «котел», поражение под Вязьмой и Брянском на начальном этапе битвы за Москву оставляют харьковский провал далеко позади. Тогда, в мае 1942 г., в окружение попало 250 тыс. человек. Под Киевом немцы окружили более 500 тыс. человек, окружение трех фронтов в октябре 1941 г. поглотило почти 600 тыс. человек. Харьков вполне уверенно занимает промежуточное положение между разгромами одной-двух армий (Умань, Мелитополь, Белосток, Смоленск) и окружением сразу целых фронтов.

План наступления Юго-Западного и Западного фронтов в Южной Польше

Направление ударов РККА

Планируемое продвижение РККА к "30-му дню наступления"

План советского наступления по «Соображениям...»

Это означает, что два высказывания Жукова ни в коей мере не являются эквивалентными друг другу. В первом случае оценки предельно жесткие и перспективы мрачные, во втором – Жуков достаточно оптимистично оценивает масштабы возможной катастрофы. Это заставляет сделать вывод, что Георгий Константинович откорректировал свое мнение и значительно смягчил оценку ситуации. От «Москва и Ленинград были бы заняты» он пришел к сравнению с Харьковом мая 1942 г. Можно также предложить еще одну интерпретацию слов маршала. Как известно, выстоять в 1941 г. позволила «перманентная мобилизация», т. е. формирование новых соединений вразрез с МП-41. В случае начала войны с главными силами Красной армии на границе решение о новых формированиях могло быть принято с опозданием, а то и не принято вовсе. Это могло привести к печальным последствиям. Впрочем, скорее всего Жуков просто изменил свое мнение и смягчил оценку ситуации.

Так или иначе, у нас есть только самая общая оценка перспектив первой операции войны без упреждения Красной армии в мобилизации и развертывании. Что же можно сказать о ходе боевых действий? Хорошо известный многим английский публицист оценил перспективы советского наступления как радужные и даже блестящие. Он написал о «Войне, которой не было» так: «В августе 1941 года Вто-

рой стратегический эшелон завершил Висло-Одерскую операцию, захватив мосты и плацдармы на Одере. Оттуда начата новая операция на огромную глубину». То есть, по его расчетам, с 6 июля по август 1941 г. была бы пройдена вся территория от новой границы до Вислы с захватом плацдармов, а в августе – повторен успех реального января 1945 г.

Поврежденный советской зенитной артиллерией немецкий бомбардировщик Хейнкель-111

Одно можно сказать определенно: проецирование на «альтернативный 1941 г.» таких блистательных операций реальной войны, как Висло-Одерская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская и «Багратион», совершенно безосновательно. Обстановка на земле и в воздухе в период про-

ведения этих безусловно успешных операций была принципиально другой, чем та, которая могла возникнуть в альтернативном 1941 г. без упреждения в мобилизации и развертывании. Дело даже не в очевидных частностях, например, в отправке в реальном декабре 1944 г. IV танкового корпуса СС в Венгрию. В альтернативном 1941 г. такое решение вряд ли будет принято. Просто ввиду того, что времени на прорыв к Будапешту просто не будет. В реальности к нему шли всю осень 1944 г. и даже большую часть декабря 1944 г. В альтернативе «Красная армия бьет первой» берлинско-варшавское направление будет для немцев главным изначально, его ослабление представляется крайне маловероятным.

Каковы же перспективы наступления Красной армии на запад в таких условиях? Прежде всего необходимо обратить внимание на общее соотношение сил противников на Восточном фронте. В период побед Красной армии в 1944–1945 гг. оно было иным, нежели возможное соотношение сил в ходе гипотетического «первого удара». Так, на 1 июня 1944 г. Германия имела в составе действующей армии на Восточном фронте 2,62 млн человек против 6,7 млн человек в составе советских действующих фронтов и отдельных армий. Иногда называются даже меньшие цифры. По данным Мюллера-Гиллебранда, на 1 июля 1944 г. в действующей армии на Востоке было 2,16 млн человек, включая полевые части Люфтваффе и войска СС. Это был достаточно низкий показатель. Для сравнения: на 1 июля 1943 г. на Во-

стоке было 3,14 млн человек, на 22 июня 1941 г. – 3,3 млн человек. Неудивительно, что летом 1944 г. Красная армия быстро и успешно наступала, а летом 1943 г. наступление шло с большим трудом и немалыми потерями, а на некоторых участках (Мгинские операции под Ленинградом, Изюм-Барвенковская операция и наступление на Миус-фронте в июле 1943 г.) и вовсе оказывалось неуспешным. Одним словом, было бы странно думать, что победы 1944–1945 гг. не опирались на тяжелые бои 1942–1943 гг. Они были подготовлены в тех боях, разгром группы армий «Центр» был не в последнюю очередь следствием снятия с нее стружки в предыдущие годы войны.

Разумеется, в случае отсутствия упреждения в мобилизации и развертывании численность действующей армии Советского Союза будет иной, нежели в реальном 1941 г. Поэтому оперировать реальным соотношением сил летом 1941 г. в оценке возможного развития событий по сценарию «бьем первыми» будет грубой ошибкой. Отмобилизованная и развернутая Красная армия сможет выставить против Вермахта куда более внушительные силы, чем слабосильные армии прикрытия особых округов. Согласно февральскому 1941 г. мобилизационному плану (известному также как МП-41) общая численность Красной Армии, не считая формирований гражданских наркоматов, должна была составить 8 682 827 чел. военнослужащих и 18 880 чел. по вольному найму. Это весьма близко к 9 млн общей численно-

сти Красной армии к лету 1944 г. Если 9-миллионная армия 1944 г. выставила на фронт 6,7 млн человек, то 8,7-миллионная армия, поднятая по МП-41, должна выставить на фронт не менее 6,5 млн человек. Это приводит нас к реалистичной оценке общего соотношения сил для сценария «бьем первыми». Скорее всего это будут 6,5 млн человек с советской стороны и 3,3 млн человек со стороны Германии плюс 326 тыс. человек румынских войск «группы Антонеску». Это дает нам соотношение сил сторон на советско-германском фронте в отсутствие упреждения в развертывании примерно 1:1,79. Заметим, в этом соотношении 90 % составляют немецкие войска.

Танк Т-34, подбитый сразу после того, как раздавил немецкую 50-мм противотанковую пушку ПАК-38

С этой точки зрения гипотетическое соотношение сил в

расчетном 1941 г. (без упреждения в мобилизации и развертывании) будет весьма далеко от реального июня 1944 г. Можно даже сказать больше: позади будет оставлен даже июль 1943 г. с его тяжелым преодолением «Цитадели». В июле 1943 г. германская армия на Восточном фронте вместе с войсками СС и полевыми частями Люфтваффе насчитывала 3,138 млн человек, в августе 1943 г. – даже 2,958 млн человек. Армии союзников по приказу Гитлера были выведены с Восточного фронта. Однако, строго говоря, к этим цифрам можно прибавить 107 тыс. человек румынских войск, по-прежнему находившихся к востоку от Буга. Среднемесячная численность советских действующих фронтов и отдельных армий в III квартале 1943 г. составила 6,818 млн человек. То есть соотношение сил сторон составляло около 1:2,1...1:2,2.

С чем же можно сравнить гипотетическое соотношение сил отмобилизованной Красной армии и Вермахта с союзниками летом 1941 г.? На июль 1942 г. германская армия на Восточном фронте насчитывала 2,847 млн человек. Румыны выставили 382 тыс. человек, Венгрия – 209 тыс. человек. Итальянская 8-я армия насчитывала 227 тыс. человек. В действующих фронтах и отдельных армиях Советского Союза в III квартале 1942 г. насчитывалось 5,665 млн человек. Однако, строго говоря, поступление армий союзников на фронт происходило не единовременно. Даже до их прибытия на фронт на Дону в группу армий «Б» немцы смогли обрушить весь южный сектор советско-германского фронта,

дойти до Волги и Кавказа. В сентябре 1942 г. Вермахт насчитывал 2,8 млн человек, к которым прибавилось 648 тыс. человек войск союзников Германии (румынских, итальянских и венгерских армий). В октябре 1942 г. численность Вермахта выросла до 2,9 млн человек. Однако действующая армия СССР выросла в IV квартале 1942 г. до 6,343 млн человек. Соотношение сил – 1:1,84. При этом немецких войск в этом соотношении 77 % (23 % – союзники Германии). Этим была создана почва для успеха «Урана». При этом надо помнить, что помимо «Урана» имел место неудачный «Марс».

Экипаж бомбардировщика Пе-2 уточняет боевую задачу. За изящество обводов этот самолет немцы поначалу принимали за французский «Потез»

Ожидать при схожем соотношении сил хуже, чем во времена отступления лета 42-го и даже «Урана» и «Марса», стремительного проведения Висло-Одерской операции силами КВ-2 и Т-34 с Л-11, очевидно, не приходится. Конечно, Красная армия летом 1942 г. страдала от нехватки вооружения и боеприпасов ввиду эвакуации промышленности.

Однако и Вермахт был уже изрядно потрепан зимней кампанией 1941/42 г. К тому же большая часть истребительной авиации Люфтваффе уже была на Западе. В июле 1942 г. 29 групп немецких истребителей были на Западе и Средиземноморье, 20 – на Восточном фронте и 4 – в Норвегии.

Здесь, вспомнив об авиации, мы плавно переходим от общего соотношения сил к частностям. Еще одним принципиальным отличием реального июня 1944 г. и января 1945 г. от расчетного лета «первого удара» 1941 г. будет соотношение сил в воздухе. Причем как на количественном, так и на качественном уровне. На 31 мая 1944 г. из 4475 самолетов Люфтваффе на Восточном фронте в составе 1, 6 и 4-го воздушных флотов было 1693 самолета (317, 688 и 688 самолетов в соответствующих флотах). Меньше половины общей численности германских ВВС, как мы видим. Еще 193 самолета было в 5-м воздушном флоте в Финляндии и Норвегии, действовавшем на востоке и западе одновременно. Самым многочисленным был воздушный флот «Рейх», ответственный за ПВО Германии – 1348 самолетов. Из 1051 одномоторного истребителя в Люфтваффе в целом в воздушном флоте «Рейх» было 444, в 6-м воздушном флоте в центральном секторе советско-германского фронта – всего 66. Пропишью: шестьдесят шесть. К началу «Багратиона» это количество даже снизилось и упало до 40 машин. Хотим мы этого или нет, но воздушное наступление англо-американских ВВС оттягивало значительные силы с Восточного фронта. В

случае «первого удара» в 1941 г. такого жесткого прессинга с воздуха на западе, разумеется, не будет. Люфтваффе смогут без особого ущерба сосредоточить все свои силы для борьбы за небо на Востоке. На 21 июня 1941 г. в Люфтваффе было 4882 боевых самолета, в том числе 1440 одномоторных истребителей. Нетрудно догадаться, какой воздушный флот будет самым многочисленным в случае «первого удара». Это будет один из воздушных флотов на Восточном фронте, скорее всего на направлении главного удара Красной армии – на Украине (точнее, в Южной Польше). Авиации Юго-Западного фронта будет противостоять отнюдь не 40 истребителей, как трем фронтам в «Багратионе», а куда большее их число.

Немецкие танкисты готовятся к танковому бою: в танк

РзЖ 14-й танковой дивизии загружаются бронбойные снаряды

С позиции ВВС Красной армии ситуация также выглядит не блестящей. Боевых самолетов в советских ВВС в 1944 г. было все же больше, чем в июне 1941 г. Кроме того, в 1944 г. авиация объединялась в воздушные армии, позволявшие более гибко и эффективно ее использовать. На 22 июня 1941 г. фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой авиацией. В современном понимании этого термина к «фронтовой авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтовую авиацию 1941 г. фронтовой группой авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непосредственно армиям, точнее, командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтовая группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация – это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

Подобная схема фактически распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в наступлении мог-

ла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события, и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиадивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне. Командование фронта через штаб воздушной армии могло массировать усилия авиации на ключевом направлении. Это также улучшало качество управления авиацией. Отнюдь не все общевойсковые командующие были достаточно компетентны для правильной постановки задач ВВС. Армейская авиация в реальном 1941 г. далеко не всегда использовала свой потенциал именно по этой причине.

Развитие событий в воздухе над «первым ударом» в свете вышесказанного нетрудно спрогнозировать. Первый удар, скорее всего, будет достаточно результативным. Какое-то время советские летчики будут даже господствовать в воздухе. Однако вряд ли этот удачный дебют будет длиться бесконечно. Успешное наступление войск Красной армии на том или ином направлении, словно магнит, будет притягивать к себе группы и даже целые эскадры немецких истребителей. Действующие в интересах наступающих механизированных и стрелковых корпусов советские бомбардировщики и штурмовики будут встречать плотные группы немецких истреби-

телей. Собственно, будет повторяться сценарий атак на «механизированные колонны» лета 1941 г., только в несколько откорректированном виде. Ареной ожесточенных воздушных боев станут узловые пункты советского наступления.

Немецкая 88-мм зенитка была одним из главных противников танков новых типов летом 1941 г.

Специфика организационной структуры ВВС КА сыграет здесь свою отрицательную роль. Авиация армий на направлении главного удара будет быстро перемолота в таких боях. Усилить ослабевшие армейские авиадивизии фронтовому командованию будет, строго говоря, нечем. Одновременно наступающие мехкорпуса подвергнутся ожесточенным бомбардировкам. Вообще говоря, я здесь даже не просчитываю

некое гипотетическое развитие событий, а описываю в общем виде их реальный ход в некоторых советских операциях 1942–1943 гг. Точно так же, как массированные бомбардировки останавливали контрудары мехкорпусов в реальном 1941 г., а также в 1942 и 1943 гг., они будут останавливать наступление мехкорпусов «первого удара» в глубине немецкой обороны.

Если летом 1943 г. немецкая авиация остановила наступление 1-го танкового корпуса под Орлом, то что ей мешает останавливать мехкорпуса в «ударе первыми»? Особенно с учетом того, что как 37-мм автоматические зенитные пушки, так и боеприпасы к ним реальным летом 1941 г. были в большом дефиците. Заметим также, что в 1941 г. советские легкие танки были все же куда уязвимее к ударам с воздуха, чем летом 1943 г. Советские танковые командиры, участвовавшие в контрударе под Лепелем в июле 1941 г., едва ли не в один голос говорят о высоких потерях от авиации.

С тактической точки зрения ситуация будет практически одинаковой с контрударами реального 1941 г. Наступающий советский мехкорпус будет встречен наспех построенной обороной немецкого резерва где-то в глубине обороны. Сломать оборону этих резервов помешает авиация, которая будет расчищать воздух от советских «мигов» и СБ, а также наносить удары по боевым порядкам мехкорпусов. Это будет повторение атак 6-го мехкорпуса под Гродно 25 июня или 8-го мехкорпуса под Лешневым и Берестечко 26 июня 1941 г.

В обоих этих случаях советские танковые части были принуждены к отходу мощными авиаударами.

На этом сравнение сил сторон можно пока завершить. Общее соотношение сил на земле и в воздухе, безусловно, важно, но в начальный период войны на него накладывается своя специфика. Войны еще нет, стороны еще только разворачивают свои вооруженные силы на общей границе. В реальном 1941 г. мы были упреждены в мобилизации и развертывании. Рассматривая альтернативные варианты, нужно прежде всего определиться с тем, в каком положении окажется Германия и ее вооруженные силы. Она вполне может оказаться упрежденной в развертывании. В этом случае соотношение сил в Приграничном сражении может оказаться куда более выгодным для Красной армии, чем рассчитанное выше, исходя из фактической численности и МП-41. Очень многое зависит от «градуса» упреждения, т. е. от того, на каком этапе своего развертывания германская армия попадет под удар советских войск. Вышеприведенное соотношение сил – это количество войск, которое стороны могут выставить на общую границу в наилучшем для себя варианте. Другими словами, это численность войск на общей границе в случае, если и Вермахт, и Красная армия успевают завершить развертывание. Такой вариант тоже нельзя исключать, хотя он представляется далеко не самым вероятным.

Наилучшим с точки зрения соотношения сил представляется вариант, когда Гитлер вовсе отказывается от проведе-

ния «Барбароссы» в 1941 г. Например, получив новые разведданные о численности советских Вооруженных сил, количестве танков и самолетов в Красной армии. Эти данные могли заставить пересмотреть наряд сил для проведения операции по выходу на линию Архангельск – Астрахань. Соответственно, подписание Директивы № 21 в декабре 1940 г. могло не состояться. Теоретически в этом случае к июню 1941 г. могла остаться неизменной группировка войск на границе с СССР по состоянию на начало года. Это, напомним, всего 26 дивизий. В этом случае Вермахт в Генерал-губернаторстве (оккупированной Польше) мог ждать действительно эпический разгром в стиле Висло-Одерской операции января 1945 г. Эти 26 были бы просто сметены советским ударом.

Однако сдвиг «Барбароссы» на 1942 г., ввиду осознания военной мощи Советского Союза, скорее всего привел бы к наращиванию группировки на Востоке в оборонительных целях. На 26 дивизий надеяться не приходится. Красную армию встретила бы развитая система инженерных заграждений, севшие в плотную оборону 70–80 пехотных дивизий с двумя-тремя моторизованными корпусами во втором эшелоне. Учитывая проблемы взаимодействия с инженерными частями, продемонстрированные Красной армией в Финляндии, прогрызание такой обороны могло стать достаточно долгим делом. Это дало бы немцам время на переброску резервов из фатерлянда и с Запада.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда со-

ветский удар застанет германские войска на одном из завершающих этапов развертывания для «Барбароссы». Например, если советское руководство примет решение запустить процесс мобилизации и развертывания, а Вермахт будет задержан Балканской кампанией. В этом случае Красной армии на Западе будут противостоять от 70 до 90 немецких пехотных дивизий. Основные силы танковых групп, включенные, как известно, в последний эшелон для выдвижения к границе с СССР, будут еще в пути.

Первый раунд. «Разя огнем, сверкая блеском стали...»

Итак, предположим, что в начале июня 1941 г. Вермахт оказывается упрежден в развертывании. Танковые группы находятся на ранних стадиях перевозки на Восток. Подвижные резервы трех групп армий сравнительно немногочисленны, и основным противником перешедшей в наступление Красной армии становится пехота. Германская разведка вряд ли останется слепой и глухой, особенно в последние дни советских приготовлений. Поэтому вряд ли советские дивизии встретят на границе пустые позиции. Подготовленные для «Барбароссы» соединения будут, скорее всего, в последние дни и часы подтянуты к границе и займут пограничные укрепления.

Однако пехотные соединения германской армии в 1941 г. были «крепким орешком». Это еще были девятибатальонные дивизии, т. е. из девяти батальонов в трех пехотных полках. Переход на характерные для немцев во второй половине войны шестибатальонные пехотные дивизии (по два батальона в полку) намечался в 1942 г. и состоялся окончательно во второй половине 1943 г. Немецкая пехота июня 1941 г. была хорошо укомплектована, и взломать ее оборону было бы не так-то просто. Это, скорее всего, удастся Красной армии лишь на направлениях, где имеется общее двой-

ное-тройное численное превосходство над противником, с внушительным перевесом на направлении главного удара. Такое превосходство было у Красной армии на Украине, на Юго-Западном фронте.

Подбитый и сгоревший в лесу танк Т-34. Лето 1941 г.

Согласно справке Н. Ф. Ватутина, в составе Юго-Западного фронта предполагалось сосредоточить:

«5 А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

20 А – сд-7;

6 А – 16 дивизий, из них: сд – 10, тд – 4, мд – 2;

26 А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

21 А – 13 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, сд – 1, кд – 2;

12 А – сд – 4;

18 А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;

9 А – 12 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1; резерв фронта – 7 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1»¹.

Как могли быть использованы эти силы и с каким результатом?

Целью перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта были классические «канны» для немецких войск в Южной Польше. 5-я армия генерала Потапова из района Ковеля была на Люблин с востока. Ее эшелонам развития успеха были два мехкорпуса: 22-й Кондрусева и 9-й Рокоссовского. В них были в основном легкие танки, только в 22-м мехкорпусе был 31 неповоротливый КВ-2. 6-я армия генерала Музыченко перешла в наступление на Люблин с северного фаса львовского выступа. Ее танковый кулак был не в пример мощнее: 4-й и 15-й механизированные корпуса генералов Власова и Карпезо с сотнями новых танков. Первые потери они понесли уже при прорыве вражеской обороны – танковые части пришлось вводить в бой, а не в чистый прорыв. Однако, вырвавшись на оперативный простор, мехкорпуса Власова и Карпезо уверенно продвигались вперед, к Люблину. Казалось, что до замыкания кольца окружения остаются считанные часы. Центр «канн» образовывала 20-я армия Курочкина. Поворот на Люблин открывал левый фланг двух советских мехкорпусов. Однако это было предусмот-

¹ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 350.

рено планом. С «макушки» львовского выступа через Перемышль на Тарнов и далее к Висле прорывались войска 26-й армии Костенко. Ее главной ударной силой был 8-й механизированный корпус генерала Рябышева. За ним шел 16-й мехкорпус комдива Соколова. Под их ударами немецкие части отходили дальше на запад, к Висле. Тем самым дальше на запад сдвигалась угроза флангам 4-го и 15-го мехкорпусов. Поначалу настроение в частях было приподнятое. Однако по мере продвижения к Люблину новые КВ и Т-34 все чаще оставались на обочинах дорог. Горели фрикционы, ломались коробки передач, выходили из строя двигатели. Также все чаще над колоннами грузовиков стали появляться самолеты с крестами на крыльях. Поначалу их атаки успешно отражали остроносые «миги» 15-й авиадивизии. Но самолетов с крестами становилось все больше, а краснозвездных истребителей – все меньше. «Юнкерсы» и «Хейнкели» все чаще атаковали колонны с горючим и боеприпасами. Нередко немецкие бомбардировщики появлялись над полем боя, обрушивая град бомб на артиллерийские позиции и даже атакующие танки и пехоту.

Какие контрмеры можно будет ожидать от немецкого командования? История войны дает нам обширный материал для построения возможной стратегии и тактики Вермахта в гипотетическом оборонительном сражении лета 1941 г. Типовым приемом германской армии в такого рода операциях было стягивание на опасное направление крупных сил

авиации. Более того, чаще всего именно авиация прибывала к полю сражения первой и наносила первые удары по наступающим советским частям. Люфтваффе обладали достаточно гибкой структурой в лице воздушных флотов и авиакорпусов. Также немецкие командующие не стеснялись дробить даже такие структуры, как бомбардировочные и истребительные эскадры, по группам (примерно по 40 самолетов). Одна группа могла защищать Рейх в ПВО, другая – действовать под Ленинградом, третья – под Курском.

Авиация Юго-Западного фронта в реальном июне 1941 г. насчитывала около 2 тыс. самолетов в 46 авиаполках. Истребительная авиация насчитывала 1166 боевых машин (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153). Как мы видим, истребителей новых типов было меньшинство, 20 % от общей численности. Однако не следует думать, что в варианте «Красная армия бьет первой» эта группировка будет неизменной. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Жуков широким жестом отписал Юго-Западному направлению 91 полк авиации. Разумеется, нужно учитывать, что этот наряд сил включает в себя полосу Одесского округа, позднее отданную Южному фронту. Тем не менее в бой Юго-Западный фронт должен был пойти не с 46 полками авиации, а с несколько большим их количеством. Нарастить группировку авиации фронта предполагалось за счет авиации внутренних округов. Вместе с армиями внутренних округов в штатном варианте прибывала также их авиация. На 1 июня 1941 г. внутренние

округа (АрхВО, МВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО и СибВО и др.) насчитывали 1856 боевых самолетов, в том числе 1613 исправных. Новые истребители были только в Московском округе – 67 МиГ-3 и 69 Як-1. По понятным причинам новые машины шли в первую очередь на укомплектование приграничных округов. Так что заметной качественной прибавки парка истребителей ожидать не приходится, только количественной. Однако отмобилизованный и развернутый Юго-Западный фронт пойдет в бой не менее чем с 2500–2700 самолетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.